

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
МИШКУРОВ Э.Н., НОВИКОВА М.Г.
«ПЕРЕВОДИМОСТЬ — НЕПЕРЕВОДИМОСТЬ:
БЫЛОЕ И ДУМЫ... = TRANSLATABILITY —
UNTRANSLATABILITY: YESTERYEARS
AND THOUGHTS...»: МОНОГРАФИЯ.
М. (МОСК. ГОС. УН-Т, ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА):
ФЛИНТА, 2024. 248 с.**

Анна Александровна Лебедева

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Для контактов: lebsuch@yandex.ru

Для цитирования: *Лебедева А.А.* Рецензия на монографию: Мишкuroв Э.Н., Новикова М.Г. «Переводимость — непереводимость: былое и думы... = translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts...»: монография. М. (Моск. гос. ун-т, Высшая школа перевода): Флинта, 2024. 248 с. // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 2. С. 93–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105

Статья поступила в редакцию 28.01.2024;
принята к публикации 02.04.2024.

**MONOGRAPH REVIEW: MISHKUROV E.N.,
NOVIKOVA M.G. “TRANSLATABILITY —
UNTRANSLATABILITY: YESTERYEARS AND
THOUGHTS...”: MONOGRAPH. M. (HIGHER SCHOOL
OF TRANSLATION AND INTERPRETING. LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY): FLINTA, 2024. 248 p.**

Anna A. Lebedeva

The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

For contacts: lebsuch@yandex.ru

For citation: *Lebedeva A.A.* (2024) Monograph Review: Mishkurov E.N., Novikova M.G. “Translatibility — untranslatibility: yesteryears and thoughts...”: monograph. M. (Higher School of Translation and Interpreting. Lomonosov Moscow State University): Flinta, 2024. 248 p. // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 2. P. 93–105. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-93-105

The article was received on January 28, 2024;
accepted for publication on April 02, 2024.

Авторы рецензируемой монографии — доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Э.Н. Мишкuroв и доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета правосудия М.Г. Новикова — известны своими монографиями и статьями по разнообразным вопросам теории и практики перевода, в том числе и по искомой проблематике — «переводимости — непереводимости».¹

¹ *Мишкuroв Э.Н.* Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт): монография. М.: Военный университет, 2018; *Новикова М.Г.* Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода: монография, 4-е изд. стереотипное. М.: Флинта, 2023; а также см. совместную монографию «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении» (М.: Флинта, 2020) и ряд статей, написанных в соавторстве по проблемам «переводимости — непереводимости», опубликованных в различных журналах по списку ВАК.

© Lebedeva A.A., 2024

По последней теме авторы ныне предлагают монографическое исследование «Переводимость — непереводимость: Былое и думы... = Translatability — Untranslatability: Yesteryears and Thoughts...», являющееся фундаментальным научно-теоретическим и прагматическим трудом с богатой иллюстративной базой на русском, английском, французском, итальянском, немецком и арабском языках. Иностранный читатель имеет возможность получить общее представление о содержании данного труда благодаря переводу аннотации и содержания монографии на английский язык, а также презентации базовых положений книги в итоговом Summary (с. 244–246).

Работа фундируется на объёмном списке научно-теоретической и справочной литературы на русском и иностранных языках общим количеством в 501 источник.

В работе впервые в отечественном переводоведении описывается целостная теория апории «переводимости — непереводимости» как неотъемлемой части современной науки о теории и методологии перевода.

Книга включает в себя Введение, пять глав, Заключение, Список литературы и Summary.

Во **Введении** авторы дают литературно-исторический абрис данной проблемы и, вслед за В. Коллером, констатируют, что «в тысячелетней полемике по переводческим проблемам нет вопроса, который бы обсуждался интенсивнее и ставился противоречивее, чем теоретическая и практическая возможность или невозможность перевода» (с. 3).

Сложность проблемы заключается в том, как настаивают авторы, что никто из здравомыслящих специалистов не отрицает существования реальных проблем, связанных с фактической непереводимостью оригинала целиком или его отдельных частей. Тогда как «инакомыслящие» в своём подходе к проблеме перевода отрицают сам факт «непереводимости» практически в любых типах текстов на ИЯ.

Третья точка зрения, по наблюдениям авторов, заключается в двояком подходе к данному феномену. Так английский учёный Дэвид Беллос весьма обтекаемо формулирует запрос на решение проблемы «непереводимости»: «Всегда ли перевод — это один и тот же процесс или при разных видах перевода производятся разные операции? <...> Каждое высказывание нетривиальной длины может быть переведено различными способами; для каждого высказывания есть бесчисленное множество приемлемых переводов.

Многообразие переводов — яркое свидетельство бесконечной гибкости человеческого мышления» (с. 11).

Причина, побудившая авторов обратиться к теме «переводимость — непереводаемость», заключается в том, что в современном переводоведении, как это ни странно, само понятие «перевод» оказалось «размытым», не имеющим академически упорядоченных критериев и границ его идентификации, номинации и чёткого разграничения собственно терминопонятия «перевод» от «квазиперевода» в его безграничных интерпретациях.

Поэтому, понимая всю сложность и многогранность поставленной ими проблемы, авторы прибегают к образному афоризму А.И. Герцена, высказанного им по иному поводу: главное — «не разрешить вопрос, а верно его обозначить» (с. 14).

В главе I «Энигма «переводимости — непереводаемости» в трудах учёных XX–XXI веков» обстоятельно освещён многовековой многоголосый спор о трактовке апории «переводимости — непереводаемости» в трудах как профессионалов перевода, так и в работах учёных других специальностей, так или иначе связанных с переводческой проблематикой в силу их *fonction de foi*.

Как известно, все критики непереводаемости, как правило, отталкиваются от высказывания молодого Гумбольдта о том, что «каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт подлинника. *Нечто среднее* между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно». При этом полностью игнорируется мнение зрелого Гумбольдта — знатока более двух десятков европейских, восточных, древних языков и языков туземцев Южной и Северной Америки о том, что «разнообразие языков и культур вынужденно приводит к заключению, что перевод по определению органически и фактически не может быть полностью равноценен оригиналу» (с. 17–20). Забывают, что полиглот Гумбольдт всю жизнь занимался переводческой деятельностью, и смысл его раннего категорического высказывания о непереводаемости следует, по мнению авторов, воспринимать с поправками на концепцию зрелого Гумбольдта, который диалектично признавал, что «каждая идея может быть выражена в любом языке (если эта пара языков равноценна по своему предметно-интеллектуальному уровню), но при этом нельзя путать перевод с комментарием (*sic!*)», а также неприемлема тенденция к «приукрашива-

нию текста перевода», обусловленная «бессилием [переводчика] передать собственную красоту оригинала и заменить её «красотами переводчика», ибо это приводит «к возникновению совершенно иного колорита и абсолютно чуждого подлиннику настроения» (с. 21).

Авторы подчёркивают, что «непереводимость» иноязычного текста или высказывания — это не переводческое «пугало», а естественное «бытие любого существующего идиома (и особенно так называемых «экзотических языков»). Это его конститутивное свойство, идентифицирующее его как самостоятельное генетическо-типологическое образование. Последнее обладает особым этнопсихолингвистическим статусом в соответствующей макро-/микросемье языков мира и проявляет свою «самость» при сравнении/сопоставлении контактирующих идиомов в целях коммуникативного взаимопонимания и межкультурного общения заинтересованных в нём носителей иных языков» (с. 20–21).

И в этой связи авторы предлагают пятиступенчатую лингвоакадемическую систему детерминант, отражающих базисные онтологические свойства потенциальной непереводимости, подробно аргументируя каждое из положений. В их числе: 1) различие типолого-генеалогической онтологии языков; 2) диахроническая и синхроническая системно-структурная асимметрия соответствующей рабочей пары языков; 3) несовпадение в концептуально-когнитивной организации ментальных пространств контактирующих языков; 4) лингвокультурологическое разнообразие языковых картин мира; 5) этнопсихолингвистические и символично-семиотические различия в манифестации языковых феноменов (с. 21–29).

Данные положения фактически находили своё отражение в работах многих учёных в различных видах аргументации.

В итоге авторы подкрепляют свою позицию авторитетным мнением Б.Л. Бойко, который недвусмысленно заявляет, что идея изъятия категории «непереводимости» из переводоведения нелогична и абсурдна, поскольку «непереводимость» как категория перевода предполагает существование своего антипода — категории переводимости (с. 34).

С другой стороны, авторы солидаризуются с мнением Н.В. Тимко, которая констатирует, что необходимо «разграничивать внутривидовые варианты собственно перевода с разными степенями культурнопрагматической адаптации и *извращённые* виды перевода: буквальный и вольный, которые не являются собственно переводом» (с. 40).

Таким образом, предлагается рассматривать так называемый “true translation — собственно перевод”, который трактуется Л.С. Бархударовым в качестве «закономерной переводческой деятельности», и, в противовес ей — «квазипереводческую деятельность», по выражению А.Д. Швейцера.

В целом следует вывод: «собственно перевод» и «квазиперевод» неразделимы в переводческой деятельности во всех её истинных и манипулятивных формах, преимущественно обеспечивающих гуманитарную межкультурную коммуникацию как на уровне официальных, так и повседневных форм устного и письменного общения различных этнокультурных социумов» (с. 45).

В главе II «Аргументация pro et contra» теоретической состоятельности концепции «непереводимость» сопоставляются различные точки зрения на данную проблему от полного её отрицания до признания необходимости её академического рассмотрения.

Авторы не призывают к «корриде» между сторонниками и противниками «непереводимости», и выступают против грубых высказываний некоторых «псевдоучёных» в адрес серьёзных исследователей независимо от их точек зрения, ибо подобное поведение является дурным примером некорректного научного общения для студентов и аспирантов (с. 47).

Как известно, во второй половине XX в. резко обострилось противостояние сторонников и противников корректности теории «переводимости — непереводимости», в ходе которого многие учёные и профессиональные переводчики с нескрываемым скептицизмом и иронией пафосно утверждали, что теории непереводимости как таковой в транслатологии не существует. Между тем, по наблюдениям авторов, статистика научных публикаций убедительно доказывает, что «количество работ с начала XXI столетия, проблематизирующих непереводимость, превосходит общее число трудов по этой проблеме за весь XX в.» (с. 46).

Основным аргументом для критиков теории непереводимости, пишут авторы, является правомерное утверждение о существовании великого множества прекрасных переводов В. Жуковского, А.С. Пушкина, М. Лозинского, В.Я. Брюсова, С.Я. Маршака, К.И. Чуковского, Н. Галь, М.Л. Гаспарова, В. Набокова, Э. Фитцджеральда, П. Мериме, А. Поупа, Ж-Ф. Шампольона и др., которые сторонниками непереводимости игнорируются и предаются забвению.

Однако парадокс ситуации заключается в том, что однажды переведённое произведение рано или поздно, по утверждению

Н. Галь, непременно устаревает. А новые переводы нередко существенно отличаются от старых аналогов, при этом язык оригинала остался тем же! Налицо индивидуализированный личностно-манипулятивный подход к переложению ИТ, отражающий новое время, новые морально-нравственные устои, основанные на «новоязе эпохи», между тем как оригинал остаётся не менее привлекательным для читателя новой эпохи. В данном контексте авторы цитируют известного философа Г.Г. Гадамера, утверждающего, что если «отступать без боя стыдно», то сокрушаться по поводу потерь при переводе всё-таки приходится, ибо «там, где требуется перевод, там приходится мириться с несоответствием между точным смыслом сказанного на одном и воспроизведённого на другом языке» (с. 49). Главное для переводчика-перелагателя — побудить читателя воспринимать предложенный перевод как «истинный слепок» с оригинала. Для примера можно сравнить подход прошлых и нынешних почитателей Шекспира к переводам его произведений А.И. Дружининым (1824–1864) и С.Я. Маршаком (1887–1964): «переводы» последнего (как считает, например, академик М.Л. Гаспаров (1935–2005)) рассматриваются критиками не как собственно переводы, а как самостоятельные литературные шедевры самого Маршака по мотивам поэтических произведений Шекспира.

Полагаем, что И.В. фон Гёте (видимо?) будет всегда прав в своём утверждении, что «при переводе следует добираться до непереводаемого, только тогда можно по-настоящему познать чужой народ, чужой язык» (с. 48).

Авторы установили, что «симулякр как переводческо-обходной феномен стал выдаваться за единственно верный, естественный оперативный путь решения проблемы <...> переводческое решение на преодоление онтологической непереводаемости — это сложный конгломерат различных трансформаций, манипулятивных уловок, механического отсечения труднопереводимых частей оригинала с намёком, что изъятое локально будет компенсировано контекстуально и т.п.» (с. 52–64).

Высокой оценки заслуживает стремление авторов не только теоретизировать по поводу обозначенной проблемы, но и обстоятельно иллюстрировать соответствующую проблематику разнотипными текстами и их жанрами. Эта задача успешно решается в **главе III** «Апория «переводимости — непереводаемости» различных типов текстов и их жанров», в которой рассматриваются проблемы художественных поэтических и прозаических текстов, философских, религиозных, юридических, рекламных, фольклорных, а

также текстов, содержащих инвективную (обценную) лексику и фразеологию.

Касательно проблемы невозможности — возможности перевода поэзии существует великое множество самых противоречивых мнений. Так, на примере интерпретации знаменитого перевода М.Ю. Лермонтова «На севере диком», академик Л.В. Щерба показал, что «лермонтовское стихотворение является хотя и прекрасной, но совершенно самостоятельной пьесой, далёкой от своего quasi-оригинала». Дело в том, что «лейсбийский» перевод поэта о страданиях сосны о прекрасной пальме не был одобрен последующими переводчиками, в частности Ф. Тютчевым, З. Гиппиус, которые в своих переводах использовали образ Кедра, тоскующего по Пальме (с. 97–99).

Данный подход соответствует идее Е.Ю. Куницыной, которая считает, что «правила игры поэтического перевода предполагают определённую и даже намеренную свободу переводчика, и в этом заключается один из прекрасных парадоксов игры перевода». Но проблема как раз и состоит в том, что границы переводческой свободы, как пишут авторы монографии, при передаче непереводаемого в поэзии вызывают в научно-литературной среде особенно ожесточённые споры, о чём речь шла выше в связи с переложением шекспировских сонетов С.Я. Маршаком (с. 97–102).

Авторы солидарны с С.Ф. Гончаренко, призывавшим следовать главному диалектическому подходу к переводческой проблеме: неизбежные отклонения и добавления при стихотворном переводе должны быть по своему поэтическому достоинству равноценны точно воспроизведённым деталям подлинника, благодаря чему они не только не разрушают эстетическую концепцию автора, а напротив ... помогают целостному её воссозданию» (с. 100–101).

Не менее сложен вопрос с переводом и прозаических художественных текстов. Авторы подчёркивают, что нередко сами писатели считают, что их произведения переводят на разные языки крайне неудачно. В монографии приводится резко негативная оценка А.П. Чеховым (владевшим французским, немецким, английским и латинским языками) качества перевода его рассказов, в частности, на немецкий язык: «Видел я много переводов с русского — и в конце концов пришёл к убеждению, что переводить с русского не следует» (с. 87).

Авторы монографии, указывая на правомочность использования инструментария «переводимости — непереводаемости» при переводе художественных произведений, удачно синтезируют раз-

нообразные подходы теоретиков и практиков перевода в историческом и современном ракурсах. По нашему впечатлению, авторы больше склоняются в своём личном мнении к точке зрения известного испанского философа Ортеги-и-Гассета, утверждавшего, что «каждое произведение неповторимо, а перевод лишь орудие, приближающее нас к нему, то из этого следует, что один и тот же текст допускает несколько переводов. Невозможно, по крайней мере в большинстве случаев, приблизиться к оригиналу сразу во всех измерениях. Если мы хотим создать представление о его художественных качествах, мы должны отказаться почти от всей материи текста, чтобы передать его формальное изящество. Поэтому, вероятно, следует разделить работу и сделать несколько различных переводов одной и той же вещи в соответствии с теми гранями, которые мы хотели бы точно передать» (с. 100).

В подобном ключе авторы детально рассматривают проблемы перевода философских, религиозных, юридических и рекламных текстов.

Наряду с проблемами перевода «академических текстов» должное внимание авторы уделяют трудностям перевода и фольклорных произведений: сказок, паремий, анекдотов, каламбуров, частушек и др.

Учитывая, что в последние десятилетия в разных странах мира происходит резкое снижение культуры речи, авторы обратились к ненормативным типам «языковых (дискурсивных) игр», к которым относятся, как правило, некооперативные (конфликтные) формы речевого поведения сниженного стиля, с целью высмеять, оскорбить, унижить реципиента, используя манипулятивно-репрессивные ресурсы и функции языка и речи (с. 137 и далее).

Данная монография меньше всего похожа на сухой академический труд: авторский текст нередко сопровождается фотографиями выдающихся учёных, изображением скульптуры «пророка Моисея с рогами», иллюстрациями многоязычных звукоподражательных слов, рисунками «белочек» и «розовых слонов» (ассоциирующихся с лицами, злоупотребляющими алкоголем), а также юмористическими и ироническими высказываниями, что делает чтение работы интересным и захватывающим. Однако, по нашему мнению, насколько был бы нагляднее и репрезентативнее текст, если бы все иллюстративные материалы были представлены в цвете!

В главе IV «Когнитивно-герменевтические основы дискурсивно-игровой парадигмы перевода» авторы правомочно считают, что апория «переводимости — неперевоодимости» является одной из

ряда парадигмально значимых проблем для построения базовой объединяющей парадигмы перевода, сочетающей в себе все положительные стороны самых разнообразных современных моделей перевода. Поиск такой синкретической конструкции привёл авторов к выводу, что дискурсивно-игровая парадигма², базирующаяся на современных философских и когнитивно-герменевтических постулатах, обеспечивает комплексный подход к осмыслению ИТ на всех лингвистических и экстралингвистических уровнях и его преобразование в ПТ в оптимально форенизированной или доместифицированной форме, обслуживающей двуязычную коммуникацию в межкультурном пространстве в зависимости от потребностей контактирующих социумов (с. 144–145).

Дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода сохраняет в своём составе «лингвистические модели перевода» для покрытия «зоны переводимости» и «верности» оригиналу путём отыскания словарно-контекстных «переводческих соответствий», а при вступлении в зону «непереводимого» и обнаружении конкретных ниш «переводческого непокрытия» применяются собственно когнитивно-герменевтические манипулятивные методы толкования оригинала, обеспечивающие совместимость ИТ и ПТ путём соавторского порождения «вторичного текста».

Методологической базой для анализа дискурсивного когнитивно-герменевтического пространства перевода является разработанный авторами инновационный «Герменевтико-переводческий методологический стандарт», который представляет собой четырёхступенчатую матрицу, включающую в себя когниции предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения, обстоятельно описанный в вышеуказанной монографии авторов «Теория и методология перевода...».

Указанные когнитивные процедуры иллюстрируются соответствующими примерами, а собственно стандарт представлен в виде сводной таблицы (рис. 6, с. 149).

Полагаем, что довольно сложный метаязык описания соответствующих параметров и процедур переводческого процесса легче бы воспринимался читателем, если бы инновационные терминопонятия авторской концепции сопровождались бы более расширенным текстуально-смысловым комментарием.

² См.: Мишкуроев Э.Н. О «дискурсивно-игровом повороте» в современной теории и методологии перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2021. № 3. С. 16–32.

Таким образом, авторы объективно как бы солидаризируются с идеей известного французского переводоведа Ж.Р. Ладмираля “*Au lieu d'être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion*”, т.е. будучи «дисциплиной знания», современное переводоведение приобретает статус «дисциплины рефлексии» (с. 148).

Итоги всестороннего обсуждения проблем соотношения «переводимого» и «непереводимого» в различных теоретических ипостасях подводятся в **главе V**, которая соответствующим образом синтезирует весь блок информации по искомой проблеме в её названии: «О дополнительной дистрибуции методологий «собственно перевода» и «квазиперевода» в поливариативных дискурсивных концепциях современного переводоведения».

Авторы высказывают предположение, что «так называемая «шкала уровней переводимости» — от «**эквивалентности**» в переводе как *максимальной степени переводимости*, «**адекватности**» как *оптимальной* степени переводимости, «**прагматики**» как *минимальной* степени переводимости, до «*нулевой переводимости*», которая компенсируется формами так называемого «**вольного / свободного переложения**», фактически подтверждает реальность существования **антиномии** «переводимость — непереводимость» как неотъемлемой онтолого-эпистемологической черты переводческого процесса» (с. 173–174). И далее эти положения иллюстрируются соответствующими многочисленными разноязычными примерами, которые сами по себе представляют значительный интерес.

В следующем разделе авторы констатируют объективное разделение знаменитых переводческих трансформаций на два класса, «первый из которых способствует достижению более высокого уровня эквивалентности и представляет собой изоморфные средства перевыражения единиц оригинала, соответствия которым наличествуют в целевом языке». К их числу они относят *перемещение, добавление и опущение лексических единиц, перестроение грамматических структур* и т.п. Ко второму классу трансформаций, который В.Г. Гак прямо называет квази-трансформациями, относятся, в частности, *транскрипция и транслитерация, калькирование и создание семантических неологизмов, конкретизация и генерализация, модуляция (смысловое развитие) и метонимическая замена, описание и переводческий комментарий* и пр. Они используются для нахождения обходных путей преодоления различных видов и типов непереводимостей в языках различного строя. Авторы констатируют, что посредствующим звеном между «переводимостью» и «непереводимостью» фактически является «прагматиче-

ский перевод» как предтеча «квазиперевода» в виде «вольного», «свободного» и т.п.

Мы вполне согласны с авторами, что «шкала уровней переводимости» имплицитно доказывает обязательное наличие непереводимости как неотъемлемой части в любой методологии перевода (с. 181).

Отдельного большого комментария заслуживают критические авторские обзоры ряда монографических и диссертационных исследований, в которых прямо отрицается аспект «непереводимости» в переводе, а в последующих разделах данных работ имплицитно «непереводимость» маскируется под удачные способы её манипулятивного преодоления переводчиками (с. 182–186 и др.).

Более «дипломатично» данную проблему микроирует Ю.М. Лотман своей нестандартной рефлексией, что «именно перевод непереводимого, требующий огромнейшего напряжения, создаёт предпосылки для взрыва смысла» (с. 187).

Важной составляющей теоретических построений авторов является постулат об обязательном наличии в новейших теориях перевода его *дискурсивной составляющей*. Такими, например, являются работы Е.Е. Калиш³, Т.А. Волковой⁴ и других авторов, которых ныне принято именовать «агентами дискурса» (см.: с. 188).

В **Заключении** авторы констатируют, что ныне предложенная ими «*дискурсивно-игровая когнитивно-герменевтическая парадигма перевода*» как интегрирующая матрица объединяет в себе ряд типологически сходных дискурсивных построений. Составной неотъемлемой частью данной матрицы является, в частности, триада в виде *переводоведческого, переводческого и переводного дискурсов* (с. 197).

Таким образом, в рецензируемой монографии предпринята плодотворная попытка обобщить опыт длительного изучения проблемы апории «переводимости — непереводимости» отечественными и зарубежными учёными от признания феномена непереводимости до полного его отрицания в практике перевода.

Мы считаем, что данная монография — это первый удачный опыт достичь кооперации между сторонниками и противниками апории «переводимости — непереводимости» и установить органи-

³ Калиш Е.Е. Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 151 с.

⁴ Волкова Т.А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.

ческую связь между «собственно переводом» и «квазипереводом», «закономерными переводческими соответствиями» и «вольными переложениями» различных текстотипов и их жанров с исходного языка на целевой. Тем самым авторы пессимистическую формулу У. Эко «Translation is the art of failure! — Перевод — искусство невозможного!» предлагают трансформировать в более оптимистическое утверждение «Translation is the art of concordance! — Перевод — искусство взаимосогласия!».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лебедева Анна Александровна — доктор филологических наук, профессор: заведующий кафедрой лингвистики и культуры речи Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1; lebsuch@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Anna A. Lebedeva — Doctor of Sciences (Philology), Professor: Head of the Department of Linguistics and Speech Culture; The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), bldg. 1, st. Azovskaya, 2, Moscow, Russia, 117638; lebsuch@yandex.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.